

В.В. КОЛБАНОВСКИЙ

**АНТРОПОСОЦИЕТАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ЕЁ
ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД «ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИЕЙ»
Н.И. ЛАПИНА**

Особенности и содержание учебного пособия

Лауреат Нобелевской премии Пётр Леонидович Капица часто повторял присловье: «Любовь — это хорошо, но золотой браслет остается навсегда». Под «золотым браслетом» великий русский ученый понимал доказательные открытия теоретической и экспериментальной физики. Но подобный «золотой браслет» выковывается в любой естественной и общественной науке. После длительного периода господства неосредневековой философской схоластики 1930–1950-х гг. в российской социологии происходит своего рода Возрождение — и серьезные социологи 1960-х и последующих годов начинают выковывать собственноручный «золотой браслет». Следует помнить, что вся эта работа осуществлялась в обстановке идиократии, когда социолог был погружен в теоретический вакуум «единственно научной социологии», а за каждым его словом и делом следило недреманное око партаппарата, цензуры и добровольных «стукачей».

Сегодня, когда отмечается сорокалетний юбилей ИКСИ–ИСИ–Института социологии РАН — следует назвать социологов, основавших целые направления и школы отечественной социологии как фундаментальной науки. Это, в первую очередь, Юрий Левада (социология религии и общественного мнения), Борис Грушин (социология массового сознания), Владимир Ядов и Андрей Здравомыслов (социология труда и методика социологических исследований), Леонид Гордон и Эдуард Клопов (социология рабочего класса), Овсей Шкаратан и Олег Яницкий (социология города), Татьяна Заславская и Розалина Рывкина (социология села и теоретическая социология), Галина Андреева (эмпирическая социология и социальная психология), Игорь Кон (социология личности), Владимир Шубкин (социология образования), Александр Харчев (социология семьи). Этот список может быть значительно продолжен, ибо он представляет подлинную когорту отцов-основателей современной российской социологии.

В этой когорте заслуженное место занимает лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент РАН Николай Иванович Лапин. Звенья его «золотого браслета» — теоретическая социология («Молодой Маркс», (1968) и «Краткий словарь по социологии» (1988), социология организаций (проект «Социальная организация промышленного предприятия», подготовлен в 1971–1972 гг.; теоретические и методические программы, а также методические материалы опубликованы в 2005 г.), социология инноваций (проект

Колбановский Варлен Викторович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: (495) 125-80-88.

«Инновации в организациях», 1976–1987 гг.; опубликовано учебное пособие «Теория и практика инноватики» (М., 2008). В последние годы Н.И. Лапин работает по двум взаимосвязанным направлениям: руководит всероссийским мониторингом «Наши ценности и интересы сегодня» (начат в 1989 г.; результаты опубликованы в книгах — «Кризисный социум. Наше общество в трёх измерениях» (М., 1994), «Динамика ценностей населения реформируемой России» (М., 1996) и «Пути России» (М., 2000), а также с 2005 г. — программой «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (на основе ее методики — «Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика» (М., 2006) — ведутся исследования почти в 20 субъектах Российской Федерации; опубликованы: «Социологический портрет Тюменского Региона» (Тюмень, 2007) и «Социокультурный портрет Курской области» (Курск, 2008).

Обобщающим направлением работы Н.И. Лапина являются исследования по истории социологии («Эмпирическая социология в Западной Европе» 2004) и общей социологии. Опираясь на накопленный богатейший материал, Н.И. Лапин в конце 1990-х годов задумывает учебник «Общая социология», публикует его проспект [12], отдельные главы [11], а в 2006 г. в издательстве «Высшая школа» при поддержке РГНФ выпускает триптих: учебник [10] и хрестоматию, подготовленную совместно с А.Г. Здравомысловым [14]; их сопровождает «Практикум по общей социологии», написанный А.М. Долгоруковым на основе семинарских занятий по курсу лекций, который читал Н.И. Лапин. Таким образом, мы получили новый учебно-теоретический комплекс по общей социологии.

В 1960-е годы практически не имелось ни одного учебника по социологии (за вычетом истматовской литературы). Первыми ласточками стали «Методология и процедуры социологических исследований» В.А. Ядова [31] и его же вместе с А.Г. Здравомысловым книга «Человек и его работа» [27]. Очень полезным подспорьем был перевод работы Яна Щепаньского «Элементарные понятия социологии» [29]. В 1977 г. выходит первый вариант, а в 1983 г. переиздается «Рабочая книга социолога» под общей редакцией Г.В. Осипова [20]. Это были «ранние предтечи слишком медленной весны». Подлинное половодье начинается с 1990-х годов, когда число учебников по социологии исчисляется уже не единицами, а десятками. Среди них имеются весьма основательно и интересно написанные книги, планка социологического образования поднята достаточно высоко. Это учебники, авторами или ответственными редакторами которых являются: З.Т. Голенкова [4], А.В. Дмитриев [5], Т.И. Заславская [7], Л.Г. Ионин [8], С.А. Кравченко [9], Г.В. Осипов [15], В.В. Радаев [21], Ж.Т. Тощенко [25], О.И. Шкаратан [21], А.Г. Эфендиев [30]. Список российских авторов можно продолжить. Сюда относятся также переводы основательных учебников известных зарубежных социологов: Э. Гидденса [3] и П. Штомпки [28].

По конкурсу Российского общества социологов в номинации «Учебники и учебные пособия» учебник под редакцией Н.И. Лапина получил первое место. Этот учебник-монография обладает следующими особенностями:

Во-первых, он не только представляет собой некий способ изложения основ социологического знания, его категорий и понятий, но и содержит

целостную общесоциологическую теорию, охватывающую всю статику и динамику социума.

Во-вторых, как отмечает сам Н.И. Лапин, в книге показан определённый уровень конкретизации принципа *универсального эволюционизма*. «Универсальный эволюционизм — пишет В.С. Степин, — как раз и представляет собой соединение идеи эволюции с идеями системного подхода. В этом отношении универсальный эволюционизм не только распространяет развитие на все сферы бытия (устанавливая универсальную связь между неживой, живой и социальной материей), но преодолевает ограниченность феноменологического описания развития, связывая такое описание с идеями и методами системного анализа» [24]. Работа последовательно раскрывает эволюцию социальной материи и системные свойства и качества этой наиболее сложной из всех самоорганизующихся систем.

В-третьих, разрабатываемая Н.И. Лапиным антропосоциетальная теория является полипарадигмальной: она не противостоит цивилизационно-формационным подходам, структурно-функциональному анализу Парсонса, социокультурному подходу Сорокина, деятельностному подходу, идущему от Маркса, а соотносится с ними и дополняет их.

Отсюда четвёртая особенность — предельно внимательное и, если можно так выразиться, хозяйски-бережное и уважительное отношение ко всему богатству мировой, отечественной дореволюционной и современной российской социологии. Этому способствует обширная «Хрестоматия», составителями которой стали А.Г. Здравомыслов и Н.И. Лапин [14]. Здесь представлены тщательно подобранные тексты 70 социологов, экономистов, историков, антропологов, социальных мыслителей. Каждому тексту предшествует написанная составителями ёмкая по содержанию вступительная статья. Это делает «Хрестоматию» своеобразным «биографическим словарём» крупных западных и отечественных социологов. Значение «Хрестоматии» состоит в том, что она не только выполняет свою прямую функцию, но и является совокупностью источников, обосновывающих правомерность концепции автора.

Пятой особенностью книги является то, что в нём умело и обстоятельно используются *эмпирические* исследования как зарубежных, так и российских социологов. Накопленный за последние два десятка лет самим Н.И. Лапиным эмпирический материал (по системам ценностей и созданию картины социокультурного пространства России), помещённый в соответствующие разделы издания, приобретает убедительное звучание и наглядно демонстрирует доказательность теоретических подходов автора.

Шестой и весьма позитивной особенностью является «Практикум по общей социологии» [6], в котором содержание учебного пособия и хрестоматии представлены для студента по степени возрастания сложности: от обозначения основных понятий, концепций авторов вплоть до подготовки доклада, реферата, аннотации, эссе, контент-анализа специальной литературы по разделам учебника.

В основу издания положен разработанный автором антропосоциетальный подход, который, во-первых, позволяет понять общество как социетальное целое, во-вторых, строится на основе антроподеятельностного принципа — понимания личности и как продукта, носителя общественных отношений, и как их преобразователя и субъекта всей социальной эволюции.

Об исходных методологических принципах говорит первая часть книги. В хрестоматии она обосновывается первым разделом, где приводятся тексты О. Конта, К. Маркса, Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина, Т. Парсонса, К. Поппера и многих других основоположников мировой социологической науки [14, с. 10-123].

Вторая часть «Личность versus социальная система» рассматривает «общество в личности, личность в обществе» — многомерность и, соответственно, противоречивость человека а) как природного существа, вышедшего из мира животных; б) как существа мира культуры, то есть усвоившего ценности, нормы, образцы поведения; в) как существа социального, воспринявшего отношения, сложившиеся в обществе [10, с. 50]. В разделе анализируется сложная структура личности, процесс её социализации, деятельность как актора (инновационная и традиционная), её включение в различные типы организаций, наконец, процессы массовизации и индивидуализации в современном обществе. Здесь использованы труды З. Фрейда, Дж. Мида, И. Гофмана, Ч. Кули, У. Томаса, Ф. Знанецкого, А. Маршалла, Й. Шумпетера и других [14, с. 123-264].

Третья часть книги «Структура общества» подчиняется логике системного и структурно-функционального анализа. Первоначально выделяются исторически ранние, первично-интегрированные социальные общности и институты, такие как семья и брак, поселение, религия, этнос («малые общества»); в следующем разделе рассматриваются большие общества или подсистемы социетального целого: духовно-интегрирующая (культура), жизнеобеспечивающая (социэкономика), статусно-дифференцирующая (социальная стратификация), властно-регулирующая (управление). Здесь для раздела «Малые общества» анализируются работы М.М. Ковалевского, Р. Макивера, М. Салинза, Э. Гидденса, Б. Малиновского, К. Леви-Строса [14, с. 264-368], для раздела «Большие общества» — работы Дж. Мэрдока, Н.А. Бердяева, К. Полаanyi, Ф. Найта, Е. Гобло, Р. Коллинза, Дж. С. Милля, В. Парето, Р. Арона, Э. Хьюза [14, с. 368-491].

Четвёртая часть «Динамика общества» подробно анализирует два типа или процесса социетальных трансформаций: традиционализацию и либерализацию — в первую очередь европейско-феодальную традиционализацию, затем раннюю и зрелую либерализацию в Западной Европе и Северной Америке; особый раздел посвящён евразийской традиционализации в России, советскому традиционализму, его кризису и современному, постсоветскому периоду. Процессы традиционализации и либерализации прослеживаются на основе работ Ф. Броделя, Ф. Энгельса, Д. Белла, М. Кастельса, А. Турена, З. Баумана, [14, с. 491-608], трансформационные процессы в истории России — по работам В.О. Ключевского, С.М. Соловьёва, В.И. Шубкина, Н.Ф. Наумовой, Ю.А. Левады, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова [14, с. 608-688]; современная социетальная трансформация — по работам Б.А. Грушина, А.Г. Здравомыслова, О.И. Шкаратана, Т.И. Заславской, В.А. Ядова, Г.В. Осипова [14, с. 688-753].

Простой перечень частей и разделов книги не позволяет раскрыть особенности её содержания как систематического изложения антропосоциетальной теории. Для того чтобы понять место самой антропосоциетальной теории, необходимо обратиться к более общей теории новейшего времени, которую, на мой взгляд, представляет теория сложных самоорганизующихся систем.

Естественнонаучные основания антропосоциетального подхода

В работах социологов время от времени мелькают краткие, если не беглые, ссылки на Илью Пригожина и его положения. Пора отдать должное нашему великому соотечественнику, значение работ которого в XXI в. будет только возрастать. В книге «Порядок из хаоса» И. Пригожин сравнивает работников естествознания и обществоведов, исследующих сложные и сверхсложные системы, с проходчиками двух тоннелей, которые прокладывают путь навстречу друг другу. Сам Пригожин сравнительно мало касался проблем обществознания, но разработанная им методология удивительно адекватна для развития современной социологии [19]. И. Пригожин в своих работах «Порядок из хаоса» [17], «Время, хаос, квант» [18] и последней «Конец определённости: время, хаос и новые законы природы» [16] дал не только физическое, но и глубокое философское осмысление новейших открытий естествознания XX в.

Можно говорить о первой (классической) детерминистской картине мира Ньютона-Лапласа, о второй (релятивистской) картине А. Эйнштейна, где сохраняется эквивалентность прошлого и будущего и, наконец, о третьей (неравновесной) картине И. Пригожина. В эту картину вписываются новейшие космологические представления о Мета вселенной, постоянно порождающей индивидуальные Вселенные, подобные нашей Метагалактике, единая теория поля и громадная «многоэтажность» макро- и микрокосмоса, информатика, молекулярная биология и многое другое. В самом общем виде теория самоорганизующихся систем сводится к следующим исходным принципам:

Первый принцип — отрицание любых «абсолютов», принцип релятивности материи, пространства и времени, релятивности и взаимоперехода, взаимопревращения всех форм существования материи.

Второй принцип — это «детерминистический хаос» — вероятностно-динамический характер природных и общественных процессов, их случайное отклонение от «заранее заданной траектории» («клинамен Эпикура»). Приведа высказывание А. Эйнштейна о том, что время и направление элементарных процессов определены случайным образом, И. Пригожин заключает: «И клинамен, и спонтанное испускание света относятся к *событиям*, соответствующим вероятностному описанию. События и вероятности требуются и для эволюционного описания, будь то дарвиновская эволюция или эволюция истории человечества» [18, с.7].

Третий принцип — преобладание необратимых процессов. «Необратимые процессы являются правилом, а обратимые исключением» [16, с. 22].

Четвёртый принцип — асимметрия природного мира, благодаря которой появляются зоны неустойчивости, неравновесности и происходит изменение систем.

Пятый принцип — «стрела времени» вытекает из необратимости и неустойчивости систем, где есть движение от прошлого к будущему, но нет эквивалентности прошлого и будущего. «Мы дети стрелы времени, эволюции, но отнюдь не её создатели». «Стрела времени» направлена только от прошлого к будущему, допускает появление новообразований, которые не существовали в прошлом и дают непредсказуемый результат («которого никто не ожидал»). «Стрела времени» не означает безудержного «прогресса» в

природе и обществе, но она означает, что и природа, и общество идут по пути развития и перехода от более простых к более сложным и сверхсложным системам, что «мейнстримом» развития является переход от неживой к живой, и от живой к социальной материи (обществу). Попятные движения (деградации, инволюции, рецидивы исторических «плюсквамперфектов»¹) вполне возможны, но однажды возникшая сложная система обладает определённой жизнеспособностью («порядком»), то есть самоорганизацией и самосохранением. «Именно с помощью необратимых процессов, связанных со стрелой времени, природа создаёт свои наиболее тонкие и сложные структуры. Жизнь возможна только в неравновесном мире. Неравновесность приводит нас к таким понятиям, как самоорганизация и диссипативные структуры» [16, с. 29].

Шестой принцип — это способность *всей* материи к самоорганизации (порядок из хаоса, вновь хаосизация и новый более сложный и устойчивый порядок).

И. Пригожин подчёркивает опасность как абсолютного детерминизма, так и абсолютного индетерминизма. Теория самоорганизующихся систем не отрицает объективные законы природы, а говорит об их более глубоком понимании, об их неизмеримо более сложном характере. «Путь, которым мы пытались следовать до сих пор, в действительности представляет собой узкую тропинку между концепциями, каждая из которых ведёт к отчуждению: мир, управляемый детерминистическими законами, не оставляющий место для новаций, и мир, управляемый Богом, играющим в кости, где всё абсурдно, лишено причинности и непостижимо» [16, с. 163].

Если Илья Пригожин наиболее глубоко разработал философские предпосылки теории самоорганизующихся систем, то другой ее основоположник — физик-теоретик Герман Хакен — сосредоточился на математическом аппарате и информационных процессах в сложных и сверхсложных системах.

Парадигма системных исследований, господствовавшая в середине XX в., была представлена общей теорией систем Л. фон Берталанфи, и ключевым её понятием был «гомеостазис» — равновесность, обусловленная саморегуляцией. Следующий шаг, как отмечает В.Н. Садовский, был сделан в 1970-1980-е гг., и его отличительная особенность состоит в переходе от исследований условий равновесности систем к анализу неравновесных и необратимых состояний сложных и сверхсложных систем.

Эту общенаучную парадигму Н.И. Лапин закладывает в качестве методологической основы своей книги. «На смену исследованиям систем как жёстких, равновесных, линейно изменяющихся объектов пришла стратегия исследования сложности, неравновесности, нелинейности и более высокой организованности. Антропосоциетальный подход находится в русле этой тенденции. Его объект обладает более высокой организованностью — это сетевая, неравновесная, нелинейная система; она подвержена угрозам рисков, катастроф, но она и обладает способностью спонтанно порождать из беспорядка и хаоса порядок и организацию; аккумулируем эти её особенности в одном предикате — *гибкая система*» [10, с. 31-32].

¹ Плюсквамперфект — от лат. plus quam perfectum — прежде прошедшее время. — Прим. ред.

Необходимо отметить, что социокультурный подход одновременно и параллельно с Н.И. Лапиным разрабатывали в 1980-1990 гг. А.С. Ахиезер [1] и Е.Н. Стариков [23]. Отправляясь от исследований Поланьи и Норта, они во многом пришли к выводам, близким антропосоциетальной теории, но у её автора есть одно несомненное преимущество: три десятилетия работы в области системного анализа.

Не является возможным давать оценку всех, насыщенных богатым теоретическим и эмпирическим материалом, разделов рассматриваемой работы.

Остановлюсь на двух, на мой взгляд, наиболее интересных и допускающих дискуссию проблемах: а) антропосоциокультурная триада; б) исторический характер процессов традиционализации и либерализации.

Антропосоциокультурная триада

В основе антропосоциетального подхода лежит «теорема» П. Сорокина: «человек, общество и культура как неразрывная триада» [22]. Разрабатывая эту «теорему», Н.И. Лапин даёт следующие определения [10, с. 30]:

личность — «это действующий индивид, взаимодействующий с другими индивидами»;

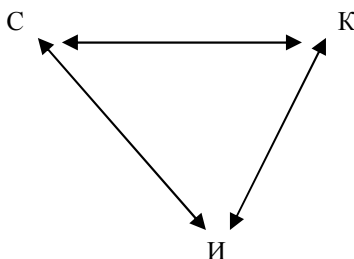
культура — совокупность способов и результатов действий и взаимодействий, в целом деятельность людей. В культуру включаются следующие компоненты: «(1) язык как средство общения; (2) общие ценности и нормы, верования и знания, мифы; (3) средства массовой информации; (4) обычаи, общие умения действовать, в том числе навыки труда; (5) орудия действий, в том числе орудия труда; (6) определённые, материализованные результаты деятельности человека, его труда» [10, с. 150];

общество, — «прежде всего, совокупность отношений между людьми в процессе их взаимодействий: как собственно социальных, так и экономических, политических, идеологических, нравственных».

«Сопоставления — общество и культура, общество и индивид есть термины, однопорядковые социальному» [10, с. 30].

Модель антропосоциетальной системы изображается в виде простой схемы (см. схему 1), где двусторонняя стрелка обозначает неразрывную связь компонентов, их взаимопроникновение.

Схема 1

Обозначения: С — социальность; К — культура; И — индивид.

«Триада» конкретизируется в следующих основных *принципах* (изложу их, интерпретируя текст книги) [см.: 10, с. 32-33].

— *противоречивость функций социального действия*. Человек есть существо активное и противоречивое (биосоциокультурное). Из этого вытекает

противоречивость смыслов и значений действий одних субъектов для других, то есть столкновение их потребностей, интересов и целей. Заметим: уже в этом заложено «зерно» неравновесности, неустойчивости общества как социетального целого;

— *паритетность и взаимопроникновения культуры и социальности*: эти компоненты *паритетны* и ни одна из них *не* сводится к другой и *не* выводится из неё. Структура общества имеет *неиерархический*, сетевой характер, вытекающий из первого принципа (многомерность и противоречивость действий человека);

— *неполнота антропосоциетального соответствия (респонсивности)*. Компоненты триады (личность, культура, социальность) совместимы, но совместимы не полностью. При традиционалистском несоответствии закрытый социум стремится подчинить человека на основе правил, обычаев, норм, законов, но человек лишь частично следует этим предписаниям. При либерализационном несоответствии человек в открытом социуме относительно свободен и может легитимно изменять существующие традиции, нормы, структуры, но последние существуют объективно, независимо от него, обладают собственной логикой развития и оказывают сопротивление. Из этого принципа вытекает, что нет механического равновесия и соответствия между компонентами триады: они могут вступать в конфликт и противоборство, они асимметричны;

— *неустойчивость антропосоциетального равновесия*. Этот принцип можно формулировать кратко: равновесие компонентов триады относительно, их изменения и трансформации — абсолютны. Из этого вытекает *необходимость* эволюции социетальной системы как целого: удаление от точки равновесия создаёт ситуацию рисков, а если удаление превышает критическое значение, то целое трансформируется в качественно иное состояние или разрушается;

— *противонаправленность и взаимообратимость (инверсионность) влияния социетальных процессов* (схема 2). Каждому крупному социальному процессу противостоит другой — противоположно направленный процесс; один из них обеспечивает воспроизводство соответствующих структур, другой — их изменение; в начале эволюции преобладает один из них, затем преобладающим становится противоположный. В последнем (одном из самых интересных) разделе книги анализируются эти процессы [см.: 10, с. 353]. Первая группа процессов — изменяющие, либерализационные, вторая — воспроизводящие, традиционализирующие.

Схема 2

Социетальные структуры	Социетальные процессы	
	изменяющие	воспроизводящие
Общество как целостная система	Кризис	Порядок
Культура	Протест	Адаптация
Социальная экономика	Конкуренция	Дистрибуция
Социальная структура	Социальная мобильность	Воспроизводство стратификации
Социетальная политика — управление	Самоорганизация	Управление

В чём заключается позитивное значение антропосоциокультурной триады и изложенных принципов?

В «эпоху исторического материализма» его ортодоксальные постулаты, начертанные на скрижалях «Краткого курса», сводились к следующему: (1) непаритетность, иерархичность системы (например, в известной «пятичленке» Г.В. Плеханова); (2) линейный характер зависимости общественного сознания от общественного бытия; (3) фактическое отсутствие актора, субъекта изменений (вопреки известному тезису Маркса о Фейербахе), либо многозначительное, но бесформенное и расплывчатое: «Народ — творец истории», либо тоталитарно определенное: «Вождь — партия и ее приводные ремни — масса»; (4) фактически отсутствовала и «обратная связь» идеального с материальным. Поздние попытки Энгельса (направленные против экономического материализма) — «относительная самостоятельность» форм сознания, «обратное воздействие» надстройки на базис — всё это было пониманием опасности упрощения и вульгаризации, но не преодолением их.

Вопрос об отношении общественного бытия и общественного сознания решается на общефилософском уровне в пользу либо одной, либо другой субстанции. На общесоциологическом уровне этот вопрос *не* решается в силу предельной широты и абстрактности этих наиболее общих категорий. Они не могут быть изучены эмпирически, они не верифицируемы. Можно исследовать вопрос о соотношении бытия и сознания у индивида, групп, классов, этносов — и это постоянно делается в социологии. Решение же данных вопросов на наиболее общем уровне приводит к попыткам (по удачному выражению Макса Вебера) «заменить одностороннюю “материалистическую” интерпретацию каузальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической каузальной интерпретацией» [2, с. 208].

Между тем, уходить от этих вопросов общая социология не имеет права, как не имеет права отказаться от определённой философской позиции.

Разрабатываемая Н.И. Лапиным антропосоциетальная теория является ответом на этот вопрос с весьма и весьма обоснованных естественнонаучных и исторических позиций. Антропосоциокультурная триада — это фактически наиболее общий *социальный механизм*, который показывает во всей его сложности и противоречивости процесс порождения общественного сознания из бытия и обратное воздействие и включение сознания в бытие.

Компоненты триады обладают следующими особенностями:

- они социологически верифицируемы, доступны для эмпирического исследования;

- в каждом из них уже представлены как общественное бытие, так и общественное сознание. Наиболее очевидно это в культуре, хотя она отнюдь не сводится к общественному сознанию и не исчерпывается им;

- эти компоненты взаимодействуют и проникают друг в друга, а там, где идёт речь о взаимодействии, подчёркивается в работе, теряет смысл вопрос о том, что вторично и что вторично: личность, социальность или культура. Соответственно теряют смысл такие «детерминизмы», как экономический, культурный или (избави бог!) теория героев и толпы. Эти и им подобные «детерминизмы» есть не что иное, как выхватывание одного из компонентов сверхсложного целого;

- паритетность, неиерархичность и неполная респонсивность компонентов триады допускают *расхождение* между ними, которое приводит к неравновесным состояниям и становится *источником* саморазвития;
- у саморазвития всегда имеется социальный субъект — человек как автор и действующее лицо собственной исторической драмы.

Традиционализация и либерализация как основные процессы становления и развития социальной материи (социума)

Антропосоциокультурная триада в принципе допускает следующие соотношения своих компонентов:

- социальность и культура *наиболее полно поглощают* личность. Несоответствие компонентов триады минимально. Такого рода социальный синкретизм характерен для процесса антропогенеза и первобытного общества (переход от биосоциальной системы приматов к социобиологической системе первоплюдей). Крупными вехами превращения органических компонентов в надорганическую триаду являются здесь, прежде всего, половозрастные трансформации (переход от матрилинейного к патрилинейному доминированию, выделение «старейшин» как хранителей традиций и знаний, отделение от охоты новых сфер труда и производства пищи). В целом антропогенное несоответствие компонентов триады является минимальным, чем в значительной степени объясняется огромная устойчивость, инертность, неподвижность и тысячелетняя долговечность этого первичного или простейшего способа самоорганизации социума;

- социальность и культура как система *относительно поглощают* личность, образуя «закрытое общество», в котором социальные трансформации происходят благодаря *неполному соответствию* компонентов антропосоциокультурной триады.

Традиционализация есть исторический шаг вперед по сравнению с антропогенной системой. *Традиционализм* (при всей своей закрытости и социальной свирепости) допускает большую степень свободы для индивида, чем антропогенная система.

В книге отмечается, что *традиционалистское соответствие* между человеком и обществом является *неполным*: социетальное целое доминирует над человеком, предписывает его поведение на основе сложившихся традиций — обычаев, правил, норм, законов. Традиционалистское общество обеспечивает слияние ценностей и норм человека и общества, но вместе с тем оно не исключает определенной самостоятельности, свободы поведения индивидов в локальных областях жизни [10, с. 220]. Именно этого существенного фактора не было в антропогенной системе.

Традиционализация определяется как «процесс сохранения или повышения престижа и расширения ареала влияния предписанных ценностей и норм поведения субъектов, их традиционалистских действий и механизмов закрытости общества» [10, с. 221]. Доминируют процессы воспроизводства, точнее — воспроизводственные стороны в каждой паре социетальных процессов (см. схему 2). Механизм социального контроля содержит три культурных слоя: первично-общинные традиции, включая клановые; религиозные ценности, нормы, каждодневные обряды; государственные законы и карательные органы. «В совокупности они обеспечивают неукоснительный

контроль за мыслями и действиями каждого человека. В итоге традиционное общество представляет собой устойчиво воспроизводящуюся социокультурную целостность» [10, с. 221]. Не удивительно, что оно охватывает целые тысячелетия писаной истории — с IV-III тыс. до н.э. по XV, а то и XIX в. н.э., с определенными попытками «воскрешения из мертвых» в XX в. Сменяющие друг друга виды традиционализации обстоятельно и интересно анализируются в 5 и 6 разделах книги (гл. 15-25), представляя, по сути дела, социальную историю Западной Европы и России;

- социальность и культура *относительно высвобождают (раскрепощают)* личность, образуя «открытое общество», в котором последняя приобретает всё более значительные степени свободы. Эти степени обусловлены *неполным соответствием* компонентов антропосоциокультурной триады (переход от ранней к зрелой либерализации).

Либерализация определяется как «возникновение и развитие свободы индивидов и других субъектов в отношении структур общества, расширение возможностей легитимного воздействия субъектов на социальные институты и процессы в соответствии с новыми ценностями и потребностями людей, равно как и их ответственности за свои действия» [10, с. 223].

Процессу либерализации свойственно собственное основное противоречие — неполная респонсивность, которая определяется автором как *либеральное несоответствие*. Оно заключается в относительной свободе и возможности социальных субъектов легитимно или революционно изменять господствующие структуры, институты, традиции, нормы, а также в укорененности этих структур и традиций, в их реальной возможности оказывать весьма ощутимое сопротивление субъективным изменениям. Традиционалистское и либеральное несоответствие реализуются в каждой стране по-своему, исторически эволюционируют, а в условиях глобализации (что особенно существенно) взаимодействуют, влияют друг на друга. [10, с. 33].

Н.И. Лапин подробно анализирует *раннюю* либерализацию феодально-традиционалистских обществ в Западной Европе (с XVII-XIX вв.), в Северной Америке (XIX в.), в России (с 1861 г.) и *зрелую* либерализацию (с 1930-х гг.). Последняя характеризуется не только изменением структур общества как внешних условий жизни человека, но и тем, что центр внимания переносится на развитие действующей личности, на возможности преодоления отчуждения человека. Новые структуры призваны предоставить ему возможность сделать себя таким, каким он хочет быть в этом мире, в своей стране, обществе, культуре, а не просто выполнять предписания культуры или государства, как это происходит в традиционном и во многом в раннелиберальном обществах. [10, с. 275-276].

Зрелая либерализация характеризуется тем, что «изменения сосредотачиваются в самом индивиде как личности; личность приобретает новые качества, возникает феномен “человеческого капитала”. Это означает и качественное изменение самого общества: из социальной (социокультурной) системы, основанной на рыночной экономике, оно эволюционирует в более сложную и гибкую систему — антропосоциетальную, которая включает третий паритетный компонент — человека, а её пространственная структура приобретает сетевой характер» [10, с. 224].

Переход от ранней к зрелой либерализации совершается в Англии к 1870-м гг., в Северной Америке — к 1930-м гг., в большинстве стран Западной Европы — к середине или даже концу XX в. В лидирующих странах (США) зрелая либерализация находится лишь на подъеме. О третьем этапе — «поздней либерализации» (late modernity) говорить преждевременно.

К этому следует добавить, что три великие цивилизации — Россия, Индия, Китай, — а сегодня и Латинская Америка, испытывают родовые муки перехода от традиционализма к либерализму, от сословной иерархии — к гражданскому обществу, от права силы — к силе права, от государства-надсмотрщика и тюремщика — к разделению властей и социальному государству, от культуры для избранных — к культуре для всех. Либерализация, первоначально охватившая «золотой» миллиард, становится всемирно-историческим процессом, охватывающим планету.

Вместе с тем можно поставить вопрос: в какой общественной форме реализуются как ранняя, так и зрелая либерализация? Такой общественной формой был, есть и пока остаётся капитализм. Он заменил личную зависимость (минимизирующую индивидуальность) вещной зависимостью (увеличивающей индивидуальность, но одновременно и формы социального отчуждения). Зрелая либерализация сохраняет:

- высокую степень капиталистической эксплуатации, переносимой транснациональными компаниями в «третий мир», к центрам дешёвой рабочей силы;

- угрозу региональных и мировых экономических кризисов;

- угрозу локальных и мировых войн;

- угрозу всё обостряющихся глобальных проблем: кризисов экономических, демографических, энергетических, ресурсных, голода, пандемий и т. д.;

- угрозу появляющихся во всех развитых странах чёрных дыр «четвёртого мира» — гетто пауперов и криминала, «отходов» индустриальных и постиндустриальных революций;

- возрастающую угрозу столкновения либо на этнической, либо на профессиональной почве, либо на комбинации этих компонентов, идущих из традиционалистского прошлого;

- наконец, серьёзную угрозу двух противоположно направленных процессов. Это *массовизация* индивидов — спонтанное или целенаправленное нивелирование ценностей и поступков индивида на возможно более низком уровне, а благодаря этому — их подчинение мыслям и воле харизматического вождя [10, с. 79; 14, с. 243-249], так сказать «фюреризация социума». Другой процесс — *индивидуализация*, отчуждение людей от социума: эрозия и постепенная дезинтеграция идеи гражданства. «Общественное» колонизируется «частным». «Публичный интерес» деградирует до любопытства к частной жизни «общественных деятелей» [10, с. 85; 14, с. 258-264]. Социальная пассивность и апатия, утрата политической воли — прямой результат индивидуализированного общества. (В учебном издании и хрестоматии это обосновывается работами С. Сигеле, С. Московичи, Н. Элиаса, А. Турена, З. Баумана.)

Перечисление противоречий и угроз зрелой либерализации можно было бы продолжить. Их пытаются разрешить на национальном и международном уровнях, но достаточно ясно, что для зрелой либерализации (пока она находится

в рамках капиталистической общественной формы) эти противоречия и угрозы не могут быть разрешены в полном объёме и до конца. Для этого требуется ещё более сложный и высокий тип самоорганизации социума, зародыши и элементы которого появляются *внутри*, а то и *вопреки* зрелой либерализации. Вопрос о характере этого типа самоорганизации остается открытым, как открыта сама история.

Специальный, шестой, раздел учебника посвящён России. Советский период вполне правомерно рассматривается как традиционализм и *рецидивирующая традиционализация*. Этот термин удачно применяется автором в качестве некоего антонима распространённого понятия «рецидивирующая модернизация» [13].

«Обратные волны» традиционализма могут возникать и прокатываться в каждой стране, особенно если она позже других выходит на магистраль исторического развития. Так, например, в Германии уже в эпоху Бисмарка возникает социально-политический традиционализм, паразитирующий на экономической модернизации, базирующийся на культе сильной личности и мифах о превосходстве высшей арийской расы. При Гитлере развернулась несравнимо более радикальная, чем во времена Бисмарка, рецидивирующая традиционализация немецкого общества, которая использовала потенциал современной промышленности и мобилизационные ресурсы тоталитарного государства. [10, с. 266-267].

Советский традиционализм рассматривается в гл. 21 под углом зрения социокультурных мобилизаций и процессов отчуждения: военные, трудовые и продовольственные мобилизации (эпоха Гражданской войны); пассионарные мобилизации — просветенческо-идеологическая, партийно-номенклатурная (ленинский призыв), индустриальная и аграрно-коллективистская. После Отечественной войны традиционалистская система достигла известной зрелости и уже не могла трансформироваться в качественно иное состояние. Она была просто лишена внутренних механизмов саморазвития, кроме мобилизаций. Такими самоподдерживающими мобилизациями были, во-первых, идеолого-патриотическая 1940-1950-х гг. (борьба с космополитизмом, выкорчёвывание свободомыслия у научной и творческой интеллигенции и т. д.) и кадровая (чистка и перетасовывание «номенклатуры»: Сталин, Хрущёв, Брежнев).

Уже в 1960-х гг. выявилась невосприимчивость традиционалистской системы к либерализации, даже к умеренным попыткам её модернизации сверху (сведение на нет косыгинской реформы). Советский традиционализм характеризуется тотальным отчуждением человека — от участия в управлении страной, от результатов своего труда, от земли и самоорганизации труда (крестьянство), отчуждением производства от потребностей населения (сверхиндустриализация); отчуждением населения от правдивой информации; тотальной утратой гражданами личной безопасности и самоотчуждением общества от развития [10, с. 332-335].

Советский традиционализм — это общество с идеологией «осаждённой крепости», требующее постоянных мобилизаций и всё возрастающего социального отчуждения.

В книге определяется, что кризис советского общества, первые симптомы которого обозначились уже в середине 1950-х гг. и стали нарастать к середине 1980-х, — это редкий в истории процесс, антропосоциетальный

кризис, включающий антропологический, социальный и культурный компоненты. Анализ этого общесистемного кризиса и путей выхода из него дан в последних главах, где, опираясь на работы ведущих российских социологов и собственные исследования, автор подробно анализирует все компоненты антропосоциетального целого и «противонаправленные» процессы — так, как они протекали на рубеже XX-XXI вв. Каковы же основные выводы из этого анализа?

1. К настоящему времени в России возникло переходное, кластеризованное общество с ограниченной демократией. Кластеризованность означает множество синкретизмов либеральных и традиционных компонентов. Ограниченность демократии проявляется в незащищенности важнейших прав и свобод россиян, прежде всего, в небезопасности их личной безопасности.

2. С 2000-2001 гг. происходит экономическая и политическая стабилизация, усиливаются воспроизводственные упорядочивающие общество доминантные процессы. «В итоге кризис превращается в новый порядок». Но это противоречивый процесс.

3. Либеральные экономические ценности уживаются с традиционными политическими и этическими. По сути, институционализируется кластеризованное общество, находящееся *между* традиционным и либеральным социальными порядками. Сохраняется опасность его инверсии в российский авторитарный традиционализм.

4. Особенность современной ситуации российского социума заключается в асимметричности, контрастности качеств его социально-пространственной структуры: многие соседствующие субъекты РФ контрастны и в масштабах страны, и в рамках макрорегионов (федеральных округов). Существует потребность в преобразовании российского социума в современную — *гибкую сетевую систему* (паритетную статусу больших социумов-государств, таких как Европейский Союз, Бразилия, Индия, Китай, США). Для этого необходимо повышение социального статуса российских регионов как статуса социально-территориальных *сообществ*, находящихся в составе российского *социума* [10, с. 412-413].

Философское и социологическое значение антропосоциетальной теории

В 1938 г. (канун второй мировой войны) Герберт Уэллс иронически писал о своих современниках социологах: «Рой необразованных, страдающих недержанием речи эрудитов плодят бесчисленные уродливые и претенциозные исторические труды, в которых противопоставляются “Восток” и “Запад”, “Север” и “Юг”, арийцы и неарийцы; труды, в которых сугубо неопределенный “Дух Цивилизации” марширует на Восток или на Запад (в конце концов, не все ли равно?), марширует, покинув свою “колыбель”... Капитализм в этих книжках представляется “системой”, введенной злобствующими и всеми ненавидимыми пуританами. [Камень, несомненно, брошен в «огород» Макса Вебера. — В.К.] ...И однако же мы терпим всех этих Шпенглеров, и Тойнби, и Парето, и им подобных, даже порой читаем их» [26, с. 172].

Прошло почти три четверти века, но ситуация мало чем изменилась. По-прежнему жонглируют «Восточной» и «Западной» моделями, «европейской» и «азиатской» институциональными матрицами, гальванизируют старинную дискуссию почвенников — «славянофилов» и «западников» и особенно нападают на неповторимость и богоизбранность евразийской цивилизации.

Антропосоциетальная теория Н.И. Лапина выгодно отличается от многочисленных социологических спекуляций, метаний и крайностей своей научной строгостью, последовательностью и объективностью.

1. Она вводит чёткие социетальные *критерии* развития: принцип неполного антропосоциетального соответствия позволяет судить о содержании трансформации, а принцип неустойчивости социокультурного равновесия позволяет определить её качественные границы — начало и завершение [10, с. 224-225]. Благодаря этому может быть построена достаточно точная система социологических *координат*, в которой: а) относительное подчинение или высвобождение личности от системы (структур, институтов и т. д.) даёт нам процессы традиционализации или либерализации, а б) *степень* такого подчинения или высвобождения — их раннюю или зрелую фазы.

2. Антропосоциетальная теория исходит из *единства* всемирно-исторического развития — не из особых изолированных «цивилизаций», которые рождаются, цветут и умирают, оставляя свою «тайну» в собственной «колыбели», а из универсальности и повторяемости социальных трансформаций, которые проходят *все* страны и континенты — но проходят с разной скоростью и в разное время, с опережением или отставанием, порождая тем самым неустойчивость и неравновесность социума как «динамического хаоса», диссипативной системы.

3. Антропосоциетальная теория исходит из *естественного* характера всемирно-исторического процесса, потому что он возникает, развивается и функционирует по законам сложных самоорганизующихся систем, подчинён «стреле времени» и направлен от прошлого к будущему.

4. Антропосоциетальная теория показывает, насколько ограничены и односторонни так называемые монистические подходы, выводящие социум либо из экономики, либо из культуры, либо из вечных, идущих от Двуречья и Нила, институциональных матриц — «Западной» и «Восточной».

5. Антропосоциетальный подход является не эклектическим смешением материального и идеального начал в жизни общества, но такой теорией, которая позволяет понять социум как наиболее сложную, неравновесную и динамичную из всех известных нам самоорганизующихся систем материи, понять *нелинейное* соотношение самой социальной материи и духа, как высшего продукта материи, специфически появляющееся во взаимодействии социальности, культуры и личности — основных компонентов надорганической материи.

6. Эта теория исходит из сложного взаимодействия стихийных (спонтанных) и сознательных процессов, которые обеспечивают систему положительных и отрицательных обратных связей в социуме.

7. Рассматриваемая теория исходит из активного деятельностного начала — социального субъекта (актора) — как носителя и преобразователя социальности и культуры, основного «узла связи» их взаимодействия и взаимопроникновения.

8. Эта теория не нуждается ни в привлечении каких-либо сверхъестественных, провиденциальных начал, ни в гипостазировании человеческого духа, идей, ценностей, то есть она по самой сути противоположна всем версиям и модификациям идеалистического понимания истории.

9. Антропосоциетальная теория, как подчеркивает Н.И. Лапин, имеет непосредственное отношение к теории сложных самоорганизующихся систем.

XX век ознаменован огромными достижениями естествознания, которые обобщены И.Р. Пригожиным и Г. Хакеном в принципах самоорганизации систем. Мысль о том, что материализму приходится принимать новую форму с каждым крупным открытием естествознания, принадлежит Энгельсу. Понятие «материализм» нынче не в чести, его чураются и от него бегут, как черт от ладана. Перефразируя известные слова Черчилля, можно сказать: материализм — это отвратительно, но до сих пор ничего лучшего (то есть соответствующего объективным данным естественных и общественных наук) люди не придумали. Н.И. Лапин рассматривает антропосоциетальную теорию как определённый уровень конкретизации принципа универсального эволюционизма. Последний соединяет идеи эволюции материи с идеями системного подхода, то есть представляет собой современную форму философского материализма. Беру на себя смелость утверждать, что первым фундаментальным достоинством антропосоциетального подхода (и соответственно, книги Н.И. Лапина) является то, что он представляет хорошо разработанную и обоснованную теорию *современного* (системно-эволюционного) *материализма в социологии*.

Второе существенное достоинство учебного издания — его *последовательный демократизм*.

«Как!!! — воскликнет иной ревнитель «чистоты» социологии. — Демократизм — это не научная, а политическая позиция, это оценочные суждения, а они несовместимы с подлинно научной объективностью!» На это возражение можно ответить следующим образом:

В эпоху гигантских цивилизационных и формационных сдвигов, в эпоху огромных социальных потрясений, которые переживала наша страна на протяжении XX столетия, социолог — особенно российский — не только *может*, но и *обязан* занимать определённую позицию по вопросу о будущем России: возвращаться ли России вспять, к евразийскому традиционализму, к «рецидивирующим традиционализациям», к «социальной перепутице» и постоянному повторению ошибок и трагедий пройденного *либо*, учитывая опыт собственной социальности и сохраняя богатство собственной культуры, не перенимая механически опыт мирового цивилизационного развития, но и не пренебрегая им, двигаться вперёд по пути преодоления обветшавших социальных форм и традиций.

По моему мнению, таким может быть только путь последовательного демократического развития, становления и утверждения правового государства и гражданского общества: первоначально — в рамках зрелого либерализма, а затем — в ещё более широких и устойчивых социетальных формах межгосударственного и планетарного объединения стран и народов на основе универсальности демократических принципов: уважения прав человека, социума, культуры, природы как высших ценностей человечества разумного.

Демократизм является подтекстом, политическим и нравственным стержнем каждой главы и параграфа учебника Н.И. Лапина — и в этом состоит его значение для подготовки будущих поколений российских социологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1997.

2. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено; коммент. А.Ф. Филиппова. М.: Изд-во «Прогресс», 1990.
3. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
4. Голенкова З.Т., Акулин М.М., Кузнецов В.Н. Общая социология. М.: Гардарики, 2005.
5. Дмитриев А.В. Общая социология. М.: Современный государственный университет, 2001.
6. Долгоруков А.М. Практикум по общей социологии / Под ред. Н.И. Лапина. М.: Изд-во «Высшая школа», 2006.
7. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Изд-во «Дело», 2004.
8. Ионин Л.Г. Социология культуры. 4-е изд. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2004.
9. Кравченко С.А. Социология. М.: Изд-во «Экзамен», 2004.
10. Лапин Н.И. Общая социология: Учебное пособие для вузов. М.: Изд-во «Высшая школа», 2006.
11. Лапин Н.И. Предмет и метод социологии // Социологические исследования. 2002. № 8.
12. Лапин Н.И. Социетальная социология. Узловые проблемы и программа курса // Социологические исследования. 2001. № 8.
13. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М.: Эдиториал УРСС, 1999.
14. Общая социология. Хрестоматия / Сост: А.Г. Здравомыслов и Н.И. Лапин. М.: Изд-во «Высшая школа», 2006.
15. Осипов Г.В. и др. Социология. Основы общей теории. М.: Аспект Пресс, 1998.
16. Пригожин И. Конец определённости: время, хаос и новые законы природы. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 1999.
17. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Изд-во «Прогресс», 1986.
18. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени: Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Изд-во «Прогресс», 1994.
19. Пригожин И.Р. Сетевое общество // Социологические исследования. 2008. № 1.
20. Рабочая книга социолога / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Изд-во «Наука», 1976.
21. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
22. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
23. Стариков Е.Н. Общество — казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1996.
24. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Изд-во «Наука», 2000.
25. Тоценко Ж.Т. Социология. М.: Прометей, Юрайт, 1998.
26. Уэллс Г. Собрание сочинений в пятнадцати томах / Под общ. ред. Ю. Кагарлицкого. Т. 14. М.: Изд-во «Правда», 1964.
27. Человек и его работа / Отв. ред. А.Г. Здравомыслов, В.П. Рожин, В.А. Ядов. М.: Мысль, 1968.
28. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
29. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Под ред. Р.В. Рывкина. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1967.
30. Эфендиев А.Г. и др. Общая социология. М.: ИНФРА-М, 2000.
31. Ядов В.А. Методология и процедуры социологических исследований / Гл. ред. Ю.В. Воюгайт. Тарту: Изд-во Тартуского госуниверситета, 1968.